

Проблема релевантности в пост-акторно-сетевой теории

doi: 10.22394/2074-0492-2023-2-38-61

Резюме:

Статья посвящена проблеме релевантности в пост-акторно-сетевой теории. Вслед за поворотом к материальному в социологической теории одной из ключевых задач становится определение значимости не-человеков в социальных взаимодействиях или в более широких социальных процессах. В статье критически рассматриваются различные варианты решения проблемы релевантности в акторно-сетевой теории. Лагурианское решение сфокусировано на дисциплинарной силе объектов и оставляет без внимания другие типы агентности объектов. Мы демонстрируем, что ре-концептуализация объекта в пост-акторно сетевой теории (Ло, Мол, Синглтон) открывает новые аспекты проблемы релевантности. Несмотря на то, что исследователям удастся решить проблему изоляционизма сети, возникает новая проблема, связанная с идентификацией границ объекта. Поскольку в пост-акторно сетевой теории объект концептуализируется как множественный и осуществляемый в практиках, вопрос о релевантности материального объекта смещается к вопросу о релевантных практиках, в которых осуществляются различные версии объекта. В рамках пост-АСТ разработана топологическая модель осуществлений объекта — исследователи показывают, что объект может существовать в пространстве региона, сети, потока и огня. Вследствие этого ключевой задачей аналитика становится идентификация пространств, в которых осуществляется множественный объект. Однако топологическая модель, используемая исследователями пост-АСТ, ориентирована только на пространство осуществлений объекта, оставляя без внимания темпоральное измерение осуществлений. В работе мы проблематизируем статус потоковых и огненных пространств и предлагаем рассматривать их как темпоральные, а не пространственные концепты. В конце мы намечаем перспективы для разработки темпоральной концептуализации множественных объектов.

Ключевые слова: акторно-сетевая теория, поворот к материальному, не-человеческие акторы, социология вещей, STS

1 Мальков Максим Дмитриевич — Магистр социологии, Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН), приглашенный преподаватель НИУ ВШЭ. Научные интересы: акторно-сетевая теория, методология социологических исследований, исследования образования. E-mail: mdmalkov@universitas.ru

Maksim D. Malkov¹

MSEES, Moscow, Russia

The Problem of Relevance in Post-Actor-Network Theory

Abstract:

The article is devoted to the problem of relevance in post-actor network theory. In the context of the turn to the material in sociological theory, one of the key tasks is to determine the relevance of non-humans in social interactions or in broader social processes. This article critically examines various solutions to the problem of relevance in actor-network theory. Latourian solution focuses on the disciplinary power of objects and leaves out other types of object agency. We demonstrate that the re-conceptualization of the object in post-actor-network theory (Law, Mol, Singleton) opens up new aspects of the relevance problem. Although researchers manage to solve the so-called problem of network isolationism, a new problem arises related to the identification of object boundaries. Since post-actor network theory conceptualizes the object as multiple and enacted in practices, the question of relevance of the material object shifts to the question of relevant practices in which different versions of the object are enacted. Within the framework of post-ANT, a topological model of object enactments has been developed — researchers show that an object can exist in region, network, fluid and fire space. As a consequence, the key task of the analyst becomes the identification of the multiple spaces within which the object is enacted. However, the topological model used by post-ANT researchers focuses only on the spaces of the object, leaving out the temporal dimension of enactments. In this paper, we problematize the status of fluid and fire spaces and suggest that they should be considered as temporal rather than spatial concepts. We conclude by outlining prospects for developing a temporal conceptualization of multiple objects.

39

Keywords: actor-network theory, material turn, non-human actors, sociology of things, STS

Всмотритесь в детали любого места и это немедленно превратит его во множество мест.

Аннмари Мол

- 1 Malkov Maksim Dmitrievich — Master's degree in Sociology, Moscow School of Social and Economic Sciences (MSEES), guest lecturer at the National Research University Higher School of Economics (HSE). Research interests: actor-network theory, methodology of sociological research, educational research. E-mail: mdmalkov@universitas.ru

Введение

Не-человеческие акторы долгое время игнорировались в социологической теории. Если социология — это наука о социальном, а социальное — продукт человеческой деятельности, то роль всех не-человеков, будь то стены, микробы или наркотические вещества, всегда второстепенна. Как указывает Б. Латур, материальные объекты понимались в социологии как «материальная инфраструктура» или фетиши (марксизм), как «зеркала», отражающие практики людей (бурдьевиистская критическая социология) или как «задник сцены» — в отличие от людей, объекты не получали главных ролей в театре взаимодействий (Гоффман) [Латур 2014: 120]¹.

Можно выделить как минимум несколько критериев, которые обеспечивали эксклюзивность человеческих акторов, как в микро-, так и в макросоциологии: это обладание сознанием (и самосознанием), интенциональность, рефлексивность и владение языком [Segolo 2009]. Одним из самых известных направлений, которое ставит под сомнение уникальность человеческих акторов, является акторно-сетевая теория (далее — АСТ).

40

Акторно-сетевая теория заселила социологию микробами, лежащими полицейскими, дверными доводчиками, насосами, португальскими галеонами и множеством других материальных объектов. Материальные объекты стали рассматриваться как полноценные акторы, в том случае, если они вносят различие в сети [Латур 2014: 58-59]². Но как определить, является ли тот или иной материальный объект значимым актором?

Несмотря на то что материальные объекты могут выполнять множество разных функций [Sayes 2014], в латурианской версии АСТ определение релевантности объектов решается апелляцией к тем предписаниям (prescriptions), которые актуализировал объект по отношению к другим акторам [Hastaker 2005]. В известном примере Латура лежащий полицейский переводит сообщение «снижьте скорость машины, чтобы не сбить детей у школы» на «снижьте ско-

1 Критикуя «критическую» социологию, Латур отмечает, что понимание в ней некоторых объектов как фетишей (требующих разоблачения) сочетается с пониманием некоторых объектов как фактов (которые позволяют давать каузальные объяснения). Такая амбивалентная позиция позволяет критическому социологу наделять, зачастую произвольно, определенные объекты или целые дисциплины статусом факта и вскрывать идеологический/иллюзорный/фетишистский статус других объектов или дисциплин [Latour 2004].

2 Если актант в сети производит различие, то он является посредником, если актант не преобразует значение или силу, то он является проводником [Латур 2014: 58-59].

рость, чтобы не повредить свою машину» — в этой ситуации материальный объект выполняет функции полицейских, инженеров и политиков, делегировавших ему определенную программу действий [Latour 1994]. Если лежащий полицейский заставляет водителя затормозить перед школой — значит, этот объект является релевантным актором.

Еще одним решением проблемы релевантности у Латура является принцип «действия на расстоянии». Латурианская концептуализация прежде всего схватывает те материальные объекты, которые увеличивают асимметрию между акторами — например, карты, которые позволяли колониальным странам контролировать удаленные от них территории [Латур 2013: 347]. Таким образом, материальный объект в латурианской концептуализации является релевантным, если он заставляет человека что-то сделать или успешно действует на расстоянии.

Однако ранняя латурианская версия АСТ сталкивается с рядом проблем, которые на тот момент не удастся решить существующими концептуальными ресурсами. Несмотря на условность периодизации, принято считать, что критика Латура в 90-е [Schaffer 1991; Star 1990; Strathern 1996] явилась толчком к разработке новых версий акторно-сетевой теории, которые мы будем называть пост-акторно-сетевыми теориями (пост-АСТ). Ли и Браун упрекают теоретиков АСТ в том, что они пытаются «разработать систему мышления, способную колонизировать все области, инкорпорировать, упорядочить и унифицировать все сущее» [Lee, Brown 1994: 778] и при этом рассматривают отношения всех сущностей через оптику власти и доминирования¹. В сборнике «Социология монстров» уже намечаются траектории, по которым будет развиваться АСТ, — внимание к исключенным и дискриминированным сетями стандартизации акторам [Star, 1991: 37] и разработка нового словаря для изучения множественных и гетерогенных социотехнических сборок.

Сеть всегда имеет изнанку, кого-то исключает или не замечает — мы можем объяснить, почему сеть стала успешной и стабильной, а можем обратить внимание на Иное, для кого/чего сеть является источником хаоса и беспорядка, а не связности и устойчивости. Увлечение поиском стабилизаций привело к тому, что сам термин «сеть» стал рассматриваться как гомогенизирующий все сущности и нечувствительный к пространственным измерениям отношений между актантами. Термин «перевод», активно использующийся

¹ В «Ирредукциях» Латура все актанты стремятся укрепить свою власть и влияние, а быть реальным — это буквально «сопротивляться испытанию» [Латур 2015].

в АСТ, тоже подвергся критике, поскольку он *«ничего не говорит нам о том, как именно устанавливаются связи»* [Law 1999: 7]. Концентрация исключительно на сильных и влиятельных акторах и дисциплинарных объектах [Erofeeva 2019], нечувствительность к гендерным и постколониальным исследованиям, игнорирование потенциальной агентности объектов [Nøstaker 2005], неопределенность границ сети — все эти проблемы не могли быть решены с использованием концептуальных схем Латура¹.

Если латурианские сети создавали устойчивую и стабильную сущность, которая могла бы быть иной, но вследствие серий переводов зафиксировалась и превратилась в непроблематизируемый для людей черный ящик (то есть в нечто, объективный статус чего не оспаривается), то в пост-АСТ (Дж. Ло, А. Мол, В. Синглтон) стабилизация — это лишь один из вариантов координации различных версий объекта, который является множественным и осуществляется в практиках [Мол 2017: 34]. В оптике пост-АСТ большее внимание уделяется процессам, чем сущностям; изменениям, а не стабилизациям — не вопросам о том, как возможен социальный порядок, а вопросам о том, какие существуют *модусы упорядочивания* объектов [Law 1993]. Концептуализация объекта как множественного и осуществляемого в практиках [Мол 2017] приводит к тому, что объект начинает пониматься как процессуальный и динамичный — что смещает исследовательский фокус на пространственный и темпоральный аспекты осуществлений (какое пространство осуществления объекта релевантно и как оно темпорально выстраивается).

В пост-АСТ ключевым становится вопрос не кто или что действует, а *где и когда*, поскольку механизмы координации зависят именно от этих параметров. Однако топологическая модель, разработанная в пост-АСТ, частично отвечает на первый вопрос (пространственный), но упускает из фокуса темпоральный аспект проблемы. В работе мы проблематизируем статус концептов «огня» и «потока», которые используются в пост-АСТ для решения проблемы изоляционизма сети. Мы показываем, что эти концепты обладают темпоральными характеристиками, и намечаем перспективы для разработки темпоральной концептуализации множественного объекта.

1 Сам Латур и вовсе предлагает отказаться от названия «акторно-сетевая теория», поскольку оно плодит множество некорректных интерпретаций — затем он, правда, в очередной раз изменит позицию и будет отстаивать в названии теории «всё, включая дефис» [Латур 2017; Латур 2014: 22].

Ре-концептуализация объекта в пост-АСТ

Что такое объект в пост-АСТ? Мол использует понятия «сущность», «актор», «объект» и «вещь» как синонимы — ключевым является не «состав» сущности, а то, каким образом она осуществляется в практиках [Mol 2010: 260]. Это означает, что различие между человеками и не-человеками становится избыточным — если для Латура еще важно повторять, что материальные вещи могут *«допускать, позволять, предоставлять, способствовать, разрешать, предлагать, влиять, мешать, делать возможным, препятствовать и т. д.»* [Латур 2014: 102], то в пост-АСТ это положение работает как аксиоматическое допущение, поскольку осуществляться может что и кто угодно. В пост-АСТ на первый план выходит вопрос: как определить, какая *практика* релевантна для осуществления объекта?

Рассмотрим несколько траекторий осуществления атеросклероза из исследования Мол. В первую очередь происходит диагностика. Однако ее способы различаются — каждый вид диагностики включает в себя различный набор акторов и практик [Мол 2017]:

1. Разговор пациента с хирургом → Боль в ногах
2. Измерение давления аппаратом → Пониженное давление в лодыжке
3. Дуплексное сканирование → Увеличение скорости кровотока в лодыжке
4. Ангиография → Утолщение стенки сосуда в лодыжке

43

Если в первом случае релевантными являются слова пациента, который сообщает о своей боли, то в трех других случаях для диагностики привлекаются различные аппараты или техники, которые позволяют идентифицировать болезнь. Практики обнаружения атеросклероза в каждом из вариантов будут различаться и приводить к разным стратегиям лечения — в случае разговора с хирургом пациенту будут рекомендоваться продолжительные прогулки, а ангиография, в свою очередь, является инвазивной и опасной процедурой, которая в некоторых случаях может привести к смерти пациента.

Как отмечает Мол, версии атеросклероза координируются различными способами. Между версиями объектов происходят калибровки, которые зачастую создают образ единой и консистентной болезни, однако на практике это оказывается не так. К примеру, если результаты дуплекса и ангиографии не совпадают, то предпочтение отдается ангиографии, а дуплексное сканирование считается нерелевантным [Там же: 124-126]. Несмотря на то что для самой практики по получению снимка дуплекс релевантен (с помощью него снимок и делается), на более широком уровне дуплекс становится нерелевантным для осуществления болезни, поскольку

результаты дуплексной процедуры калибруются в соответствии с ангиографией.

Более того, поскольку объектом может быть любая сущность, фокус исследования смещается с анализа роли материальных объектов к анализу *пространств* осуществления и *последовательности* осуществлений объектов. Причина осуществлений атеросклероза «здесь и сейчас» напрямую зависит от предыдущих осуществлений, которые могут происходить в другое время и в другом месте. Это, в свою очередь, означает, что мы не можем задаваться вопросом о релевантности практики «здесь и сейчас», не включая ее в более широкий контекст предыдущих (или будущих) практик. Даже если мы стремимся определить релевантность материального объекта в ситуации взаимодействия, мы не можем ограничиться только анализом социального взаимодействия, поскольку редукция сети неизбежно приводит к игнорированию процессов, которые были конститутивными для ситуаций здесь и сейчас [Латур 2007]. Как социальные взаимодействия нельзя объяснить, не обращаясь к другому месту и времени, так и макропроцессы нельзя объяснить, не обращаясь к траекториям, по которым акторы, стоящие на черных ящиках, на них забрались [Callon, Latour 1981: 285-286].

44

Топологическая модель осуществления объектов в пост-АСТ

Одно из решений, которое предлагается в пост-АСТ, — это новая концептуализация пространства, в котором осуществляется объект.

Пространство всегда играло важную роль в АСТ. Если науки претендовали на поиск универсальных истин, то АСТ-исследователи «опустили науку на землю» [Law, Mol 2001: 610], а говоря точнее — в лаборатории и другие места по производству знания. «Факт» всегда является частью конкретной социоматериальной сборки, и для того, чтобы факт стал «универсальным», должна быть проделана большая работа по его перемещению. Однако это перемещение происходит только в том случае, если для него подготовлены все условия, т. е. прежде всего пространства, где научный «факт» можно будет воспроизвести. Если транспортировка налажена, то законы Ньютона будут работать во множестве разных мест; если же где-то произошел сбой, факт может потерять свою убедительность и «универсальность» [Латур 2015].

Исследования АСТ (и STS) позволили не просто локализовать «европейско-американскую» науку и поместить ее в конкретный материальный сеттинг, но и показать, что объекты зависят от пространств, в которых эти объекты «обнаруживаются», воспроизводятся и в некоторых случаях перестают быть собой. Чтобы поддер-

живать универсальность факта, необходима сеть — проще говоря, инфраструктура, в (и посредством) которой объект сохраняет свой гомеоморфизм. Во многом успех сети обеспечивался материальными элементами, которые позволяли с успехом повторять раз за разом эксперимент, опыт и т. д. Хотя совершенно не обязательно анализировать в таком ключе только научные практики — очередь в магазин воспроизводится раз за разом во многом благодаря пространству и его объектам, которые подсказывают, что именно тут необходимо составить очередь [Caronia, Soogen 2014: 7]. Чем больше материальных (или нематериальных) объектов будет сигнализировать об очереди, с тем большим успехом очередь будет выстроена типичным образом.

При этом концептуальная схема Латура предполагает, что акторы стремятся увеличить количество союзников и стабилизироваться [Латур 2013], чего не происходит у Мол. Можно ли говорить о том, что атеросклероз или зимбабвийский насос — стабильные и устойчивые объекты? Этот вопрос перестает быть центральным, поскольку стабильность осуществлений не обязательно исключает их изменчивость — на первый план выходят процессы координации и отношений между объектами¹.

45

Таким образом, вместо изоляции и стабильности в латурианских сетях в пост-АСТ большее внимание уделяется множественности и изменчивости. Однако решение проблемы изоляционизма [Star 1991; Lee, Brown 1994] приводит к новой проблеме: поскольку объект множественен и со-производится наравне с пространствами [Ло 2006], которым он принадлежит, «в пределе может оказаться, что все связано со всем» [Астахов 2017: 104], а объект расплзается до бесконечности.

1 Исследование В. Синглтон, посвященное британской программе по скринингу шейки матки, демонстрирует, что не во всех сетях стабильность обеспечивается согласованностью. Она отмечает, что медики и эксперты рекомендовали женщинам проходить инвазивную процедуру по диагностике заболевания, хотя внутри больницы не было консенсуса по поводу ее эффективности. Сеть посылала два противоречащих друг другу сигнала: «процедура неточна» + «процедура необходима», однако именно это и позволяло программе по скринингу сохранять устойчивость, которая обеспечивалась двусмысленностью месседжей. Это означает, что стабильность и изменчивость — не отношения противоречия. Объекты могут быть стабильны в своих изменениях (например, в случае зимбабвийского насоса). Однако стабильность может обеспечиваться различными способами — например, созданием непротиворечивого и непроблематизируемого образа или же, наоборот, созданием амбивалентного образа, который не допускает однозначной трактовки.

Джон Ло и Аннмари Мол пытаются решить эту проблему с помощью введения новых пространственных концептов: *«объекты представляют собой пересечения характеристик неизменности формы в разных топологиях»* [Ло 2006: 35] — в пространстве региона, сети, потока и огня [Law, Mol 2001].

Объекты могут перемещаться в евклидовом (то есть региональном) пространстве, но оставаться неизменными в пространстве сети, то есть в пространстве отношений с другими объектами, распределенными в пространстве и времени.

Что значит существовать в пространстве региона? Это означает, что между объектами можно провести границы, локализовав объект или группу объектов в конкретном месте. Анемия в Нидерландах и анемия в Африке — это буквально существование разных объектов в разных географических регионах. Что же позволяет нам провести региональные границы? Мол и Ло отмечают, что процент болеющих анемией в Нидерландах и в Африке сильно различается, что демонстрирует статистика заболеваний. Для проведения региональных границ нужны, к примеру, цифры — но откуда берутся эти цифры? Это результат работы сети по измерению гемоглобина — в нее входят специальные аппараты, тесты, компетентные работники и т. д. Эта сеть создает цифры, «отражающие» региональные различия. Пространство регионов, таким образом, есть результат работы сети по созданию границ. *«Мы можем представить себе акторно-сетевую теорию как машину для ведения войны против евклидовости: как способ показать, среди прочего, что регионы образованы сетями. Например, что национальные государства создаются телефонными системами, бумажной работой и географическими точками триангуляции»* [Law 1999: 7].

Но в случае с анемией все сложнее — Мол и Ло утверждают, что различные устройства для измерения гемоглобина в Африке зачастую работают не так, как в Нидерландах: *«Оказывается, измерение уровня гемоглобина не является неизменным. По мере того как его устройства и техники перемещаются от центра к периферии, их истинность становится все менее “надежной”»* [Mol, Law 1994: 652]. Они делают вывод, что анемия в двух местах не является консистентной и стабильной, это не одна сеть, но и не две различных сети — они имеют дело с текучим или потоковым пространством, где трансформации происходят непрерывно [Ibid.: 658]. Если в пространстве регионов существуют четкие границы, то пространство потоков характеризуется отсутствием закрепленных границ. В пространстве потоков объект всегда должен изменяться — его гомеоморфизм будет сохраняться только при постоянных изменениях.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой. Как мы указывали выше, Ло утверждает, что объект всегда существует сразу в нескольких

пространствах — и между этими пространствами выстраиваются различные отношения. Каким образом объект может пребывать сразу во всех пространствах? Может ли объект быть частью потокового пространства, где он может быть изъят из отношений без последствий, и одновременно частью сетевого пространства, где его изъятие влечет за собой сильную трансформацию? Или же анемия в Африке является частью потокового пространства, а анемия в Нидерландах — частью сетевого? Однако африканская анемия является региональной, то есть созданной сетью — это значит, что текучее пространство находится *внутри* региона. Таким образом, сеть создает два региона, в одном из которых объекты структурируются и упорядочиваются центрами калькуляции и пунктами обязательного прохождения [Каллон 2017], а в другом — хаотично переконфигурируются.

Существует еще одно пространство осуществления объектов — пространство огня. Концепт огненного объекта вводится для противопоставления текучему — в отличие от текучего объекта, огненный характерен более резкими трансформациями и скачками¹. Если зимбабвийский насос постепенно трансформируется от поселения к поселению, то регистры осуществления алкогольной болезни печени куда более динамичны [Law, Singleton 2005: 346].

47

Очевидно, что объект не может существовать во всех пространствах сразу. Более того, если любой объект существует в пространстве сети (и следовательно, региона), то с появлением пространства потоков и огня мы оказываемся перед развилкой: либо объект су-

1 Важно отметить, что огненное пространство и сам концепт огня может интерпретироваться и как аспект теории метода Ло. Шевченко предлагает различать теорию метода и теорию объекта Ло, поскольку между потоковым и огненным пространством происходит конфликт: в потоковом пространстве «*темпоральность обладает онтологическим статусом, по сути являясь условием возможности образования и функционирования сетей и вычленения исследователем объектов изучения*», а в огненном «*она есть лишь историчность, то есть, способ измерения времени*» [Шевченко 2019: 59]. Он утверждает, что «огненное пространство никак не соотносится с другими формами пространственности — оно представляет собой лишь методологическую опцию, а не онтологическую функцию, как это есть во всех других формах пространственности» [Там же: 61]. По мнению Шевченко, в работе «После метода» Ло разрабатывает на основе огненной модели метафизику присутствия и отходит от топологической схемы. Однако в более поздней статье «Object lessons» Ло и Синглтон ставят огненное пространство в один ряд с другими формами Иного, что демонстрирует амбивалентный статус огненной модели. Мы будем придерживаться более поздней версии, в которой огненное пространство отличается от потокового своей темпоральностью, то есть более резкими трансформациями.

ществует в сети и не может в то же время находиться в пространстве потока/огня, либо пространства потока и огня — это вовсе не пространства.

Четыре конфигурации мобильности

В одной из работ Мол и Ло приводят пример своего текста, который существует не сразу же в четырех пространствах, а *последовательно осуществляется* в них. Когда они пишут текст статьи, этот текст является неизменяемой неподвижностью (*immutably immobile*). Текст существует только в их компьютерах. Когда текст публикуется и распространяется, он становится региональным, поскольку перемещается и может быть прочтен кем-то еще. Когда я читаю его на английском (то есть ровно таким, каким он был написан), текст является неизменяемой мобильностью (*immutable mobile*), поскольку он был перенесен в другое место без изменений с помощью *сети* (предположим, что ее как минимум составляют интернет и вся социоматериальная архитектура по его поддержке, сайт Джона Ло, наши ноутбуки, электричество, и т. д.)¹. Однако если текст был переведен и опубликован в «Социологии власти», а редактор отцензурировал несколько примеров Ло, которые показались ему неуместными (все ситуации вымышлены), то текст был и перемещен, и в какой-то степени изменен, он стал текучим — это уже изменяемая мобильность (*mutable mobile*).

Становясь текучим, объект не перестает находиться в пространстве сети. Более того, текучесть становится результатом *работы* другой сети, в которую входили российские переводчики, журналы и т. д.

Такая интерпретация противоречит рассмотренным выше тезисам Ло и Мол, где они утверждают, что пространство потоков является иным по отношению к пространству сети. Более того, возникает вопрос — текст стал текучим объектом или оказался в текучем пространстве?

1 Заметим, что региональным он становится именно по причине того, что включается в сеть, где академические тексты способны циркулировать и трансформироваться по мере совершения переводов (в том числе и в буквальном смысле этого слова). Однако даже первоначальная версия текста, «неизменяемая неподвижность» является эффектом работы сети и находится в регионе. Текст может быть включен в новую сеть только в том случае, если другая сеть создала условия для возникновения объекта. Иначе говоря, одни сети являются условиями возможности объекта, объект сам является отдельной сетью, и затем он включается в ряд других сетей.

Как мы видим, перемещение объекта всегда угрожает его целостности — только в случае идеально работающей сети объект может стать «неизменяемой мобильностью». От чего зависит текучесть — от материальных свойств объекта или от сети отношений, в которую он включен? Или же текучесть — это свойство пространства? В исследовании, посвященном зимбабвийскому насосу, Мол и Лаэт утверждают, что текучесть объекта обеспечивается не материальными характеристиками, а множеством внешних факторов, которые осуществляют разные версии насоса. Индикаторы здоровья и оценки качества воды реализуют один вид насоса, сообщества людей в разных общинах — другой [Лаэт, Мол 2017: 185-190]

С другой стороны, исследовательницы подчеркивают роль самой технологии насоса, которая позволяет заменять многие детали без потери гомеоморфизма — свойства насоса способствуют тому, что различные акторы могут переопределять его границы и создавать свои версии насоса. Возникает предположение, что адаптивная технология насоса и его нахождение в слабоструктурированном сетью пространстве позволяет ему быть текучим.

Из исследования анемии мы делаем вывод, что анемия в Нидерландах и анемия в Африке отличаются именно из-за пространства сети: мы можем сказать, что сеть гораздо сильнее структурирует практики осуществления анемии в Нидерландах, но не способна создать пункты обязательного прохождения в Африке, что приводит к региональным различиям.

Таким образом, потоковое пространство возникает *внутри* региона, границу которого производила сеть. Когда сеть не может в равной степени охватить различные пространства и создать пункты обязательного прохождения, формируются регионы, где объекты подвержены большей изменчивости.

Возвращаясь к примеру с текстом, авторы утверждают, что в нем есть множество вещей и людей, которые в то же время в нем отсутствуют — традиции STS, на которые опираются аргументы авторов, английский язык, который «раскрывает и закрепляет свои империалистические успехи», коллеги авторов, которые могли натолкнуть их на новые метафоры, и т. д. — текст изменяется, но эти «отсутствующие» элементы остаются неподвижными, поэтому он изменчиво неподвижен (*mutable immobile*) и находится в огненном пространстве [Law, Mol 2001: 10-11].

Пространство огня, как и пространство потоков, может иметь две интерпретации. С одной стороны, каждый объект имеет свой хинтерланд, свое «явленное отсутствие» [Ло, 2015: 293] — поэтому текст из приведенного выше примера находится в огненном пространстве *с самого начала*, то есть еще когда является «неизменяемой неподвижностью». С другой стороны, в случае эмпирического

кейса с алкогольной болезнью печени, огонь используется как концепт, демонстрирующий динамику осуществления болезни, которая, в отличие от постепенного осуществления потокового объекта (такого, как насос), гораздо более стремительна. В последнем случае огненное пространство, по аналогии с потоковым, также находится *внутри* региона сети.

Мы считаем, что попытка снизить значимость концепта сети в пост-АСТ является неудовлетворительной. Если любой объект может быть рассмотрен как сеть, которая вложена (в той или иной степени) в другие сети, то введение потоковых и огненных пространств не позволяет увернуться от сетевой концептуализации.

Более того, и в пространстве потоков, и в пространстве огня эксплицитно подчеркивается значимость *темпорального* измерения. Менее очевидна значимость темпоральности в соотношении пространства сети и региона, однако мы считаем, что и в этих пространствах темпоральное измерение играет важную роль. Если португальский галеон из исследования Ло терпит крушение, то он теряет свою форму в пространстве региона, но в сетевом пространстве потеря гомеоморфизма произойдет не сразу, поскольку для идентификации изменений должно пройти время. Поскольку корабль, сам будучи сетью (команда, паруса, пушки, каюты), вложен в другие сети (португальская имперская система, рынки), то при крушении корабль-сеть будет совпадать с региональным кораблем и потеряет свою форму мгновенно, но корабль как элемент более крупной сети будет терять форму с отсрочкой. Обломки корабля уже почти затонули, но корабль по-прежнему котируется в сети как функционирующий: на него делаются расчеты, его опасаются противники, знающие о его потенциальном приближении, и т. д.

Если же все происходит наоборот, и в первую очередь объект теряет форму в сетевом пространстве (например, подписан указ о том, что один из московских вузов лишают аккредитации), то в физическом пространстве он теряет форму только в тот момент, когда указ опубликован, то есть опять с отсрочкой. При этом во втором случае вуз-сеть не теряет формы (до какого-то момента) — там по-прежнему есть стены, люди, книги и компьютеры.

Далее мы можем представить достаточно большое количество ситуаций, где конфигурации сеть/регион разыгрываются множеством способов. Объект теряет форму в одной сети, не теряя форму в регионе (корабль захватили пираты), но пока не становится частью другой, пиратской, сети (опять отсрочка). Объект теряет форму в регионе, но в сети все равно котируется как существующий — предположим, происходит государственная манипуляция с уничтоженным военным объектом, потерю которого нельзя обнародовать, а значит, необходимо осуществлять сеть так, словно он там есть.

Список можно продолжать — однако ключевая идея заключается в том, что распределенность между пространствами уже темпорализирует объект, показывает его процессуальность.

Перспективы темпоральной концептуализации объекта

Мы показали, что сеть не теряет своей значимости в «пространствах» потока и огня. В отличие от латурианской версии сети, в нашей интерпретации некоторые сети могут производить внутри себя регионы, которые могут быть не связаны друг с другом ничем, кроме самого факта нахождения в сети. В то же время внутри сети могут существовать и связанные, скоординированные регионы — в примере с атеросклерозом версии объекта приводятся в соответствие, они не просто сосуществуют внутри больницы Z, а выстраиваются в иерархии или калибруются по «золотому стандарту» (в исследовании Мол — это ангиография).

Это означает, что потоковые и огненные «пространства» являются динамикой или ритмом осуществлений — ключевым различием потоков и огня, по Ло и Синглтон, является скорость и предсказуемость осуществлений объекта [Law, Singleton 2005: 347]. Однако из их анализа не следует, что иные динамики не могут быть обнаружены. Между потоком и огнем мы обнаруживаем градиент, различные ритмы осуществления объектов (рис. 1).

51

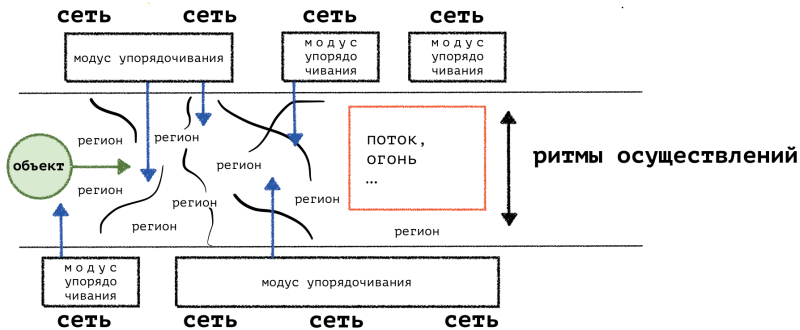

Рис. 1¹. Огонь и поток как темпоральные концепты.

Fig. 1. Fire and fluid as temporal concepts.

- 1 Поток и огонь — не новые типы пространств, которые являются иными по отношению к сети. Они являются (одними из множества) ритмов осуществления объектов. При этом концепты потока и огня могут схватывать ограниченное число ритмов (например, совершенно не ясно, как Ло и Синглтон определяют скорость/прерывистость осуществлений объектов).

В одном из интервью Мол объясняет, что она развивает свою теорию множественности объекта по аналогии с латурианским исследованием лабораторий, однако ее эмпирические данные демонстрируют, что клинические версии объектов развиваются по другой логике. Так, в лабораторных условиях проводится серия экспериментов, которая должна прийти к конечной *репрезентации* [Mol 2021]. Иначе говоря, мы можем рассматривать работу по созданию микроба как ритм (рис. 2), имеющий начало и конец. Несмотря на то что конечная репрезентация-черный ящик может быть подвергнута сомнению и переконструирована, она обладает относительной устойчивостью и временной конечностью.

52

Рис. 2. Логика лабораторных осуществлений объекта.

Fig. 2. Object enactment in the laboratory.

В клинике ритм объекта разворачивается иначе: в больницах, наоборот, существует множество репрезентаций (снимки, диагнозы врачей, данные МРТ или интерпретации анализов и др.), но они в итоге должны прийти к инвазивной практике, вмешательству в тело пациента. Здесь мы могли бы сказать, что клинические практики имеют такой же конечный ритм, как лабораторные, просто завершаются не итоговой репрезентацией, а операцией или выздоровлением пациента. Однако исследования Мол показывают, что, в отличие от лабораторного «открытия», болезнь и тело не имеют конечной точки осуществления, они продолжают осуществляться в других практиках и имеют различные горизонты. Например, конечной точкой осуществления тела может являться смерть¹, а болезнь, в свою очередь, может «закончиться» в практике выписыва-

1 Хотя этот тезис проблематичен, поскольку смерть не означает потери агентности мертвого тела — как показывают исследования, даже после смерти тело психологически, эмоционально и физиологически воздействует на других акторов и может играть важную роль в обучении [Вигг 2023]. В наших терминах, у тела меняется ритм осуществления, однако оно не перестает быть агентным.

ния из больницы, «излечения» пациента или изменения протоколов идентификации болезни.

Иначе осуществляются другие болезни, такие как диабет первой степени — эта болезнь неизлечима и практики осуществления болезни и ее «лечения» ведут не к тому, что пациент должен окончательно избавиться от недуга, а к тому, чтобы пациент смог создать себе комфортные условия жизни вместе с заболеванием [Mol 2008]. Сравнивая в своем исследовании две логики взаимодействия с болезнями (логику выбора, где в центре находится индивидуалистическая установка и все решения атрибутируются больному, и логику заботы, где ответственность распределена между множеством акторов), Мол показывает, что в логике выбора предполагается наличие нейтральных фактов, анализ и калькуляция которых приводит к тому, что индивидуальный актер-больной принимает свое решение и затем осуществляет в соответствии с ним действие. Затем это действие может быть оценено как полезное и нужное или вредное и бесполезное [Ibid.: 54-55]. Этот паттерн (факт-оценка-решение-действие) повторяется, и каждое новое действие является продолжением предыдущего. В свою очередь, в логике заботы время постоянно мерцает: каждое новое событие может менять траекторию осуществления болезни, а проблемы решаются ситуативно и без опоры на универсальные модели решения. Ярким примером является практика по укалыванию пальца с целью анализа крови — в логике заботы кровь следует брать не с самого кончика пальца, а сбоку, поскольку в случае ослепления (а это может в будущем случиться при диабете) кончики пальцев будут нужны для ориентации в пространстве. В эту практику изначально закладывается возможность различных траекторий осуществления болезни и тело подготавливается для того, чтобы сделать жизнь максимально комфортной в будущем [Ibid.: 27]. Таким образом, исследования Мол демонстрируют ритмы осуществлений объектов, которые не имеют четкого окончания.

53

Политический/нормативный аспект проблемы релевантности

У проблемы релевантности в пост-АСТ есть еще одно измерение — политическое, связанное с ролью аналитика при описании социоматериальных сборок [Strathern 1996]. Например, в исследовании португальской экспансии перед Ло возникает два вопроса: в какой момент следует остановить анализ, завершить прослеживание сети и какие элементы необходимо *включить* в сеть (т. е. какие сущности будут релевантны для осуществления сети). Как отмечают Блумфилд и Вурдубакис, при описании гетерогенной сети акторов Ло

имплицитно задействует ресурсы современной модернистской науки и «выделяет в качестве релевантных “актантов” тех, которые были бы узнаваемы скорее для современного социального теоретика, чем для португальского мореплавателя XV века» [Bloomfield, Vurdubakis 1999: 631].

Так, технологии и машины являются, по мнению Ло, релевантными для описания сети, в то время как ангелы, феи или любые другие существа, которые могли вмешиваться, направлять или определять действия мореплавателей, исключаются из анализа. Вопрос о списке релевантных акторов остается открытым, поскольку критерии отбора не определены на концептуальном уровне — возникает ситуация, когда релевантными для сети элементами может стать что угодно¹.

Более того, как замечает Баттон, из исследования Ло стирается сама *работа* по созданию ассоциации акторов, создающих и поддерживающих португальские галеоны: «Ассоциация становится процессом, а не отчетом о трудовой деятельности по строительству галеона» [Ibid.: 24]. Деревянные балки, мореплаватели и парусина не постепенно собираются и объединяются в португальский галеон под воздействием неведомой силы, а скорее, координируются в соответствии с определенными паттернами, свойственными каждой группе акторов. Из этого можно вывести два следствия. Во-первых, аналитически симметричный словарь для описания как «природных», так и «социальных» акторов, принятый в АСТ, не отменяет разницу в агентности различных акторов. Во-вторых, ассоциации, в которые собираются акторы, не являются отражением процессов, которые просто разворачиваются во времени и пространстве без целей и причин — они демонстрируют работу или координацию, зависящую от различных типов агентности акторов, включенных в гетерогенную сеть.

Как мы отметили ранее, Ло включает в описание сети тех акторов, которые считаются релевантными в историческом контексте аналитика (то есть самого Ло), а не анализируемого периода. Это возвращает нас к вопросу о том, что проблема релевантности может быть проинтерпретирована как политическая, а не эпистемологическая проблема. Как пишет Мол, внимание к множественности осуществлений объекта — это исследовательский акт, который может быть сделан или нет [Мол 2017: 35].

1 Баттон замечает, что список релевантных элементов можно расширять бесконечно, например, включая в него воздух, которым необходимо дышать мореплавателям, или воду, без которой галеон не смог бы плыть [Button 1993].

С одной стороны, этот акт является аналитическим решением, которое можно развивать с помощью концептуальных схем, что оставляет нас в рамках эпистемологии. С другой стороны, это аналитическое решение имеет нормативный характер, поскольку призвано учитывать инаковость и исключенность (как человеческих акторов, так и версий болезни или технологии).

Аналитик изменяет сеть своим вмешательством, пытаясь пошатнуть доминирующий порядок вещей или оспорить непроблематизируемые установки. Учитывая критику Латуром метарефлексивности в описаниях — *«Текст о том, как Малиновский пишет о балийцах, не более и не менее рефлексивен, чем текст Малиновского о балийцах, и не более и не менее рефлексивен, чем то, что говорят сами балийцы»* [Латур 2012: 132], необходима разработка такого решения (политической) проблемы релевантности, которое не было бы волюнтаристским и учитывало связь аналитика с рассматриваемой им/ей сетью, поскольку это прямо влияет на определение релевантности объектов.

Например, в зависимости от того, на какой сети/части сети будет сделан акцент аналитиком, релевантность одного и то же объекта может изменяться: *«для Генриха Мореплавателя система португальской экспансии содержит такие элементы, как суда и их капитаны. Смещение фокуса внимания с Генриха на капитана высвечивает сеть из моряков, строевого леса и видимого берега — сеть, обладающую собственной силой, которая, если поместить ее внутрь системы португальской экспансии, действует как единое целое. Если судно и его капитан не исполняли роли, предписанные им сетью экспансии, тогда составляющие их элементы могли, конечно же, становиться индивидуально релевантными в Лиссабоне и встраиваться в сеть экспансии Генриха»* [Ло 2018: 195].

55

Помимо этого, нормативный аспект проблемы релевантности в пост-АСТ проявляется в том, что Мол игнорирует исторические причины возникновения конкретного диагноза атеросклероза и социально-исторические процессы, которые институционализировали в больнице специфические способы различать разные версии болезни. Использование «атеросклероза» не только как темы, но и как ресурса для исследования, приводит к тому, что ее концептуальная схема идентификации релевантных практик/объектов для исследования маскируется под маской «простого этнографического описания практик» [Weinberg 2021: 379].

Несмотря на то что исследователи пост-АСТ открыто признают нормативный характер своих исследований, это не решает проблему определения предпочтительных онтологий. К примеру, в исследовании зимбабвийского насоса Мол и Лаэт считают текучесть объекта позитивной характеристикой, децентрирующей создателя объекта и позволяющей объекту осуществляться по-раз-

ному в зависимости от локального контекста. При этом они не проблематизируют концепт текучести — текучесть насоса может рассматриваться как позитивное явление, чего нельзя сказать, к примеру, о текучести алкогольной болезни печени [Лаэт, Мол 2017; Law, Singleton 2005]. В статье мы не концентрировались на политическом аспекте проблемы релевантности — этот вопрос требует отдельной проработки¹.

Заключение

Мы рассмотрели несколько решений проблемы релевантности, возникающих в АСТ. Латурианская концептуализация схватывает прежде всего дисциплинарные объекты, предписывающие людям определенные действия, в то время как в пост-АСТ вопрос о релевантности материального объекта перестает быть ключевым, поскольку анализ смещается к идентификации релевантных *практик*, в которых осуществляются как материальные, так и нематериальные объекты.

56 При этом релевантность практики зависит от *пространства и времени* осуществления. К примеру, Мол указывает, что клинический атеросклероз, который осуществляется в кабинете врача, исключает атеросклероз, который осуществляется при поперечном срезе артерии в анатомическом кабинете [Мол 2017: 70]. Это означает, что ключевым аспектом координации объекта является *последовательность осуществлений* — в зависимости от того, где сначала появляется атеросклероз, зависит то, как он будет осуществляться в другом пространстве.

Мы рассмотрели топологическую модель концептуализации объекта в пост-АСТ и пришли к нескольким выводам. Во-первых, объект не может существовать сразу во всех пространствах: сетевое пространство исключает потоковое и огненное, а последние два

1 Г. Харман в своей работе «Имматериализм» критикует Ло и Мол за противоречие в их позициях: с одной стороны, они оба заявляют о политической и нормативной ангажированности и стремлении смещать исследования в сторону более привлекательных, на их взгляд, политических и социальных реальностей, с другой стороны, они постулируют отказ от наличия «научной истины» и возможности доступа к ней у ученых [Харман 2018: 34]. Как в таком случае отбираются более справедливые/приемлемые версии реальности, создаваемые в актах их научного вмешательства? Если внимание к множественности — это политический акт, какие импликации следуют из него? Может ли (и должен ли) аналитик высказывать в своих работах нормативные суждения, если он/она придерживается определенных эмансипационных ценностей? [Radder 1992; Radder 1998; Singleton 1996]

взаимоисключают друг друга. Во-вторых, концепт сети, который активно критикуют в пост-АСТ, по-прежнему играет важнейшую роль в их концептуализациях, поскольку концепты огня и потока ничего не говорят об отношениях объектов, акцентируя внимание на динамике их осуществлений. Мы делаем вывод, что «поток» и «огонь» являются темпоральными, а не пространственными концептами и отражают различные ритмы осуществления множественных объектов.

Дальнейшие разработки решений проблемы релевантности могут фокусироваться на создании темпоральной концептуализации множественного объекта [Sørgensen 2007]. Поскольку объект является множественным и осуществляется в различных пространствах, а задачей аналитика становится обнаружение релевантных для осуществления объекта практик, можно предположить, что значимость практики будет зависеть от конфигурации пространства и динамики осуществления объекта, однако концептуальная разработка этого решения требует отдельного исследования.

Библиография / References

57

Астахов С. С. (2017) *Проблема контингентности в акторно-сетевой теории*: диссертация кандидата философских наук : 09.00.01. Москва.

— Astakhov S. S. (2017) *The problem of contingency in actor-network theory*: dissertation of a candidate of philosophical sciences: 09.00.01. Moscow. — in Russ.

Брайант Л. Р. (2019) *Демократия объектов*, Пермь: Гиле Пресс.

— Bryant L. R. (2019) *Democracy of Objects*, Perm: Gile Press. — in Russ.

Латур Б., Вахштайн В., Смирнов А. (2007) Об интеробъективности. *Социологическое обозрение*. 2(6): 79–98.

— Latour B., Vakhshayn V., Smirnov A. (2007) On interobjectivity. *Russian Sociological Review*. 2007. 2(6): 79–98. — in Russ.

Латур Б. (2012) Политика объяснения: альтернатива. *Социология власти*, 8: 113–143.

— Latour B. The Politics of Explanation: An Alternative. *Sociology of Power*, 8: 113–143. — in Russ.

Латур Б. (2013) *Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества*, СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

— Latour B. (2013) *Science in Action: Following Scientists and Engineers within Society*, St. Petersburg: European University Publishing House in St. Petersburg. — in Russ.

Латур Б. (2014) *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*, М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

— Latour B. (2014) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*, M.: Publishing House of the Higher School of Economics. — in Russ.

Латур Б. (2015) *Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого»*, М.: Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования.

— Latour B. (2015) *Pasteur: War and the world of microbes, with the application of the “Irreducible”*, M.: Autonomous non-profit educational organization of higher education. — in Russ.

Латур Б. (2017) АСТ: вопрос об отзыве. *Логос*, 27(1): 201-216.

— Latour B. (2017) AST: the question of recall. *Logos*, 27(1): 201-216. — in Russ.

Лаэт М., Мол А. (2017) Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии. *Логос*. 27(2): 171-232.

— Laet M., Mol A. Zimbabwean bush pump: mechanics of fluid technology. *Logos*. 27(2): 171-232. — in Russ.

Ло Д., Вахштайн В. (2006) Объекты и пространства. *Социологическое обозрение*, 1: 30-42.

— Lo D., Vakhshayn V. (2006) Objects and spaces. *Russian Sociological Review*, 1: 30-42. — in Russ.

Ло Д. (2015) *После метода: беспорядок и социальная наука*, М.: Фонд «Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара».

— Lo D. (2015) *After the method: disorder and social science*, M.: Foundation “Institute of Economic Policy named after. E. T. Gaidar». — in Russ.

Ло Д. (2018) Технология и гетерогенная инженерия: случай португальской экспансии. *Логос*. 28(5): 169-202.

— Lo D. (2018) Technology and heterogeneous engineering: the case of Portuguese expansion. *Logos*, 28(5): 169-202. — in Russ.

Лаэт М., Мол А. (2017) Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии. *Логос*. 27(2): 171-232.

— Laet M., Mol A. (2017) Zimbabwean bush pump: mechanics of fluid technology. *Logos*. 27(2): 171-232. — in Russ.

Мол А. (2017) *Множественное тело: Онтология в медицинской практике*, Пермь: Гиле Пресс.

— Mol A. (2017) *Multiple body: Ontology in medical practice*, Perm: Gile Press, 2017. — in Russ.

Напреенко И. В. (2013) Семиотический поворот в STS: теория референта Бруно Латура. *Социология власти*, 1-2: 75-98.

— Napreenko I. V. (2013) Semiotic turn in STS: Bruno Latour’s theory of referent. *Sociology of power*, 1-2: 75-98. — in Russ.

Харман Г. (2018) *Имматериализм. Объекты и социальная теория*, М.: Изд-во Ин-та Гайдара.

— Harman G. (2018) *Immaterialism. Objects and social theory*, M.: Gaidar Institute Publishing House. — in Russ.

Харман Г. (2017) Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда. *Логос*, 27(3): 1-34.

- Harman G. (2017) Networks and assemblages: the revival of things in Latour and Deland. *Logos*, 27(3): 1-34. — in Russ.
- Шевченко В. С. (2019) Конфликт моделей инаковости в акторно-сетевой теории Джона Ло. *Социология власти*, 2: 45-67.
- Shevchenko V. S. (2019) Conflict of models of otherness in the actor-network theory of John Law. *Sociology of power*, 2: 45-67. — in Russ.
- Bloomfield B. P., Vurdubakis T. (1999) The outer limits: monsters, actor networks and the writing of displacement. *Organization*, 4(6): 625-647.
- Burr J., Fox N. (2023) The more-than-human micropolitics of the dissection assemblage: what can a “dead” body do? *Body & Society*. Online first.
- Button G. (1993) *Technology in working order: Studies of work, interaction, and technology*, Routledge.
- Callon M., Latour B. (1981) Unscrewing the big Leviathan: how actors macro-structure reality and how sociologists help them to do so. *Advances in social theory and methodology: Toward an integration of micro-and macro-sociologies*, (1).
- Caronia L., Cooren F. (2014) Decentering our analytical position: The dialogicity of things. *Discourse & Communication*, 8(1).
- Caronia L., Mortari L. (2015) The agency of things: how spaces and artefacts organize the moral order of an intensive care unit. *Social Semiotics*, 4 (25): 401-422.
- Cerulo K. A. (2009) Nonhumans in social interaction. *Annual Review of Sociology*, (35): 531-552.
- Cooren F. (2020) Beyond entanglement: (Socio-)materiality and organization studies. *Organization Theory*, 3(1).
- Demant J. (2009) When alcohol acts: An actor-network approach to teenagers, alcohol and parties. *Body & Society*. T. 15. № 1. C. 25-46
- Erofeeva M. (2019) On multiple agencies: when do things matter? *Information, Communication & Society*. 5(22): 590-604.
- Gomart E., Hennion A. (1999) A sociology of attachment: music amateurs, drug users. *The sociological review*. S1(47): 220-247.
- Høstaker R. (2005) Latour-semiotics and science studies. *Science & Technology Studies*. 2(18): 5-25.
- Jarzabkowski P., Pinch T. (2013) Sociomateriality is “the New Black”: accomplishing repurposing, reinscripting and repairing in context. *M@n@gement*, 5: 579-592.
- Latour B. (1994) On technical mediation. *Common knowledge*. 2 (3): 29-64.
- Latour B. (1997) Trains of thought: the fifth dimension of time and its fabrication. *Common knowledge*, 4.
- Latour B. (2004) Why has critique run out of steam? From matters of fact to matters of concern. *Critical inquiry*, 2: 225-248.
- Law J. (1993) *Organising Modernity: Social Ordering and Social Theory*. John Wiley & Sons.
- Law J. (1999) After ANT: complexity, naming and topology. *The sociological review*. 47(S1).

Law J., Mol A. (2001) Situating technoscience: an inquiry into spatialities. *Environment and planning D: society and space*, 5: 609–621.

Law J., Mol A. (1994) Regions, networks and fluids: anaemia and social topology. *Social studies of science*, 24(4): 641–671.

Law J., Singleton V. (2005) Object lessons. *Organization*, 12(3).

Lee N., Brown S. (1994) Otherness and the actor network: the undiscovered continent. *American Behavioral Scientist*, 6: 772–790.

Mol A. (2008) *The logic of care: Health and the problem of patient choice*. Routledge.

Mol A. (2010) Actor-network theory: Sensitive terms and enduring tensions. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 1(50): 253–269.

Mol A. Film 3. Studying differences in medicine and conducting fieldwork in a hospital. YouTube, uploaded by Les Possédés et leurs mondes. 7 sept, 2021, ссылка на видео: <https://www.youtube.com/watch?v=x0SPWxG7qMo>

Nathues E., Vuuren M. van, Cooren F. (2021) Speaking about vision, talking in the name of so much more: A methodological framework for ventriloquial analyses in organization studies. *Organization studies*, 9(42): 1457–1476.

Nicolini D. (2009) Zooming in and out: Studying practices by switching theoretical lenses and trailing connections. *Organization studies*, 12(30): 1391–1418.

60 Pentzold C., Bischof A. (2019) Making affordances real: socio-material prefiguration, performed agency, and coordinated activities in human-robot communication. *Social Media+Society*, 3(5).

Radder H. (1992) Normative reflexions on constructivist approaches to science and technology. *Social Studies of Science*, 1(22): 141–173.

Radder H. (1998) The politics of STS. *Social studies of science*, 2: 325–331.

Sayes E. (2014) Actor-Network Theory and methodology: Just what does it mean to say that nonhumans have agency? *Social studies of science*. 1: 134–149.

Schaffer S., Latour B. (1991) The eighteenth brumaire of Bruno Latour. *Studies in history and philosophy of science*. 1: 175–192.

Schmidt R. (2019) Materiality, meaning, social practices: Remarks on new materialism. *Discussing new materialism: Methodological implications for the study of materialities*: 135–149.

Singleton V. (1996) Feminism, sociology of scientific knowledge and postmodernism: politics, theory and me. *Social studies of science*, 2: 445–468.

Sørensen E. et al. (2007) The time of materiality. *Forum Qualitative Sozialforschung/ Forum: Qualitative Social Research*, 8(1).

Star S. L. (1990) Power, technology and the phenomenology of conventions: on being allergic to onions. *The Sociological Review*, 1_suppl (38): 26–56.

Strathern M. (1996) Cutting the network. *Journal of the Royal Anthropological Institute*: 517–535.

Weinberg D. (2021) Diagnosis as topic and as resource: Reflections on the epistemology and ontology of disease in medical sociology. *Symbolic Interaction*, 2: 367–391.

Рекомендация для цитирования:

Мальков М. Д. (2023) Проблема релевантности в пост-акторно-сетевой теории. *Социология власти*, 35 (2): 38-61.

For citations:

Malkov M. D. (2023) The Problem of Relevance in Post-Actor-Network Theory. *Sociology of Power*, 35 (2): 38-61.

Поступила в редакцию: 04.05.2023; принята в печать: 27.05.2023

Received: 04.05.2023; Accepted for publication: 27.05.2023